

На правах рукописи

ПАВЛОВА Ольга Сергеевна

ЛАТИНСКАЯ МОРЕХОДНАЯ ЛЕКСИКА В АНТИЧНОСТИ
(ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА)

Специальность 10.02.14 — классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Солопов Алексей Иванович

Официальные оппоненты:

Таривердиева Мария Акоповна
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный
лингвистический университет,
заведующая кафедрой классической
филологии

Шумилин Михаил Владимирович
кандидат филологических наук,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
старший научный сотрудник Школы
актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный
университет

Защита состоится «23» декабря 2016 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета
Д. 501. 001. 82 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по
адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова,
1-ый учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова и на сайте филологического
факультета www.philol.msu.ru

Автореферат разослан « » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Савельева

О. М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Латинская мореходная лексика — один из важных и одновременно недостаточно изученных разделов латинского словаря. Слова и выражения, связанные с мореходством, регулярно встречаются в классической латинской литературе самых разных жанров; в то же время наши представления о значении отдельных слов, относящихся к названиям судов и их элементов, должностей экипажа, маневров, и о системе мореходной лексики латинского языка в целом остаются неудовлетворительными. Это обстоятельство немало затрудняет как чтение сочинений римских классиков и работу с латинскими надписями разных периодов, так и исследования в области римской истории и других смежных областях. Вместе с тем к настоящему времени накопилось большое количество фактических данных, которые могли бы прояснить семантику многих латинских мореходных лексем и способствовать их системному анализу. Стремительное развитие подводной археологии в XX–XXI веках позволило заметно продвинуться в изучении реалий и истории мореходного дела античного Средиземноморья и Северного Причерноморья; за последние четыре десятилетия было опубликовано значительное число исследований морского дела в античности. Активно развиваются в XX–XXI вв. такие области языкознания, как лексикография, лексическая семантика и терминоведение; в результате в науке накопился опыт успешных исследований отдельных предметных областей латинской лексики (в частности, в последние десятилетия появились работы о географической номенклатуре, терминологии рукописной книги, кулинарной лексике, спортивной лексике, лингвистической терминологии). Расширение знаний о морских реалиях и развитие методологии аппарата лексикографического исследования делает актуальной проблему систематического и в то же время детального описания латинской мореходной лексики и свидетельствует о необходимости и принципиальной возможности проведения такого рода исследования в настоящее время.

Современное состояние вопроса. Последним по времени создания фундаментальным исследованием, затрагивающим тему латинской морской и мореходной лексики, является опубликованная в 1935 году диссертация Эжена де Сен-Дени, посвященная роли моря в латинской поэзии¹. Это обстоятельное исследование, впрочем, по большей части ограничивается анализом поэтических текстов, лишь в редких случаях принимая во внимание тексты римских прозаиков. Сен-Дени принадлежит также словарь латинской навигационной лексики². Продолжателем традиции лексикографического описания морской лексики в настоящее время выступает Алан Гартли, исследователь морских терминов Средиземноморья, ведущий работу по составлению многоязычного словаря мореходных терминов³, в который должны войти — в числе многих прочих — морские термины древнегреческого и латинского языков. С точки зрения истории и культуры, в последние десятилетия изучением мореходного дела античности занимались многие: А. Эванс, Р. Баллард, Дж. Бас, М. Катцев, К. Пулак, Ч. Старр; наиболее авторитетными до сих пор остаются исследования Л. Кассона⁴, охватывающие период от изобретения примитивных средств передвижения по воде до времен Византии. Одним из новейших обзорных исследований в этой области является работа Дэниса Саддингтона⁵, посвященная изучению истории римского флота. Вместе с тем фундаментальным исследованием латинской мореходной лексики в целом остается вышеупомянутая диссертация Сен-Дени,

¹ *de Saint-Denis E.* Le rôle de la mer dans la poésie latine. Paris, 1935.

² *de Saint-Denis E.* Le vocabulaire des manoeuvres nautiques en latin. Mâcon, 1935.

³ *Hartley A. H.* Historical Dictionary of Mediterranean Nautical Terms

<https://sites.google.com/site/logotheras/home/historical-dictionary-of-mediterranean-nautical-terms>

⁴ *Casson L.* The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times. Princeton, 1991. Книга многократно переиздавалась: 1959, 1964, 1967, 1991, 2003; *Casson L.* Ships and seamanship in the ancient world. London, 1995; *Casson L.* Ships and seafaring in ancient times. Austin, 1994; *Casson L.* Illustrated History of Ships and Boats. New York, 1964; *Casson L.* Travel in the Ancient World. London, 1974 (1994).

⁵ *Saddington D. B.* Classes. The Evolution of the Roman Imperial Fleets // A Companion to the Roman Army / Ed. Paul Erdkamp. Oxford, 2007. P. 201–216.

целью которой было не столько описание лексики как таковой, сколько анализ морских и мореходных образов латинской поэзии. Таким образом, задача всестороннего, систематического и детального описания латинской мореходной лексики с учетом всех доступных источников, а также достижений исторической и филологической науки последних десятилетий до сих пор ждет своего разрешения. Создание такого описания и составляет **главную цель настоящего исследования.**

Данная цель определяет следующие **задачи исследования:**

1. Выявить состав морского лексикона в латинском языке.
2. Структурировать данную группу лексики по семантическому признаку.
3. Определить, какие из выявленных лексем могли функционировать в качестве прототерминов (*termini technici*); по возможности установить точное значение выявленных прототерминов с целью их адекватного понимания и перевода.
4. По возможности проследить происхождение и семантическое развитие различных элементов специальной лексики.
5. Выделить функциональные классы мореходной лексики латинского языка.
6. Выявить основные особенности функционирования мореходной лексики в литературных текстах разных жанров.

Объектом исследования являются все имеющие отношение к мореходству слова и выражения, встречающиеся в дошедших до нас латинских текстах классического периода (до III в. н. э.), а также более поздних текстах, непосредственно опирающихся на классическую традицию (например, «Этимологиях» Исидора Севильского). Учитываются тексты всех существующих жанров, включая эпическую и неэпическую поэзию, комедию, историческую, философскую и ораторскую прозу, юридические тексты, а также опубликованные надписи указанного времени.

Предметом исследования является семантика латинских мореходных слов

и выражений, а также структурные взаимоотношения и функционально-стилистические особенности лексических единиц данного класса.

Методологические основания работы. Работа выполнена в русле семасиологических исследований, проводимых на кафедре классической филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Методологическую основу работы составляет традиционный историко-филологический подход, а также ставшее традиционным сочетание семасиологического и ономасиологического подходов к изучению лексики. В последних двух главах работы используется метод семантико-стилистического анализа терминологической лексики, при котором учитываются не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

Научная новизна представленной работы состоит в комплексном и систематическом подходе к описанию мореходной лексики латинского языка, а также в регулярном привлечении различных источников (эпиграфических памятников, данных археологических экспедиций, в том числе подводных) при уточнении значений некоторых прототерминов. Полученные данные при необходимости сопоставлялись с имеющимися данными о кораблях более позднего периода. Кроме того, были подобраны русские мореходные термины разных регионов и разных периодов, сходные по своей внутренней форме с латинскими прототерминами.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Искусство мореходства (*ars nautica*) обладало собственным профессиональным языком (*sermo nauticus*), который называется в рассматриваемой работе прототерминологией (*termini technici*).
2. Латинская прототерминология морского дела содержит значительное число именно латинских элементов.
3. В роли прототерминов могут выступать не только существительные, но и другие части речи.
4. Необходимость разработки морских сюжетов в литературе повлекла

за собой несколько волн заимствований из произведений Гомера, греческих трагиков и Аполлония Родосского, а также создание своеобразного «псевдомореходного» языка, служившего инструментом для изображения морских сцен в римской литературе.

5. В латинском языке сосуществовали «псевдомореходная» лексика, использовавшаяся для нужд литературы, и настоящая мореходная прототерминология, о которой нам известно крайне мало.

6. В художественной речи прототермины могут приобретать ряд дополнительных функций.

Практическое применение результатов исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в лексикографической практике (создании идеографических словарей, создании словарей специальной лексики латинского языка), при составлении научных и учебных комментариев к текстам латинских авторов, при подготовке учебных курсов, посвященных аналитическому чтению латинских авторов и греко-римским древностям.

Апробация работы. Основные результаты работы были представлены в форме доклада на заседании кафедры классической филологии МГУ (2015 г.), на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2011, 2013, 2014, 2015 гг.), на Чтениях памяти Григория Дашевского в РГГУ (2016 г.) и на конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология. Чтения памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского» в Институте лингвистических исследований РАН в Петербурге (2016 г.); кроме того, были подготовлены доклады к конференции «Ломоносовские чтения» (2016 г.) и к III Международному симпозиуму «Славянские языки и культуры в современном мире» (2016 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** содержится общая характеристика диссертационной работы (обоснование темы, цели и задачи исследования, методологические основы работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, структура работы); дается общий обзор источников; приводится подробный очерк истории изучения латинской морской лексики начиная от трудов античных ученых и заканчивая последними научными работами на эту тему; описывается современное состояние вопроса; в разделе о теоретической базе исследования приводятся и обосновываются ключевые понятия данной работы («термин», «прототермин» и др.).

ПЕРВАЯ ГЛАВА (Латинская мореходная лексика: устройство и типы судов) начинается с семасиологической классификации единиц латинского морского лексикона. Внутри данного лексического пласта выделяются следующие тематические группы: 1) названия конструктивных элементов судна; 2) обозначения материалов для постройки, починки и оснастки судна; 3) обозначения манипуляций, связанных с постройкой, починкой и оснасткой судна; 4) названия типов судов; 5) выражения, связанные с кораблевождением; 6) обозначения корабельных стоянок; 7) слова и выражения, обозначающие людей на борту.

Далее в первой главе подробно рассматривается лексика, относящаяся к устройству корабля, постройке и ремонту судна, а также типам судов.

Первый раздел первой главы посвящен обозначениям конструктивных элементов судна. Внутри данной группы лексем выделены следующие подгруппы: 1) названия элементов корпуса судна (набор и обшивка, надстройки, украшения и опознавательные знаки); 2) названия элементов рангоута (мачта и реи); 3) наименования элементов такелажа (стоячего и бегучего); 4) названия элементов парусного вооружения; 5) названия элементов весельного движителя; 6) названия частей рулевого устройства; 7) наименования дельных вещей; 8) обозначения для якоря и элементов швартового устройства; 9) названия специфических устройств

на военных кораблях. На основе имеющихся у нас источников (литературных, эпиграфических, археологических, изобразительных) производится анализ, результаты которого дают возможность подтвердить или уточнить значение интересующих нас лексем. Из исследуемых в работе прототерминов к обозначениям деталей корпуса относятся следующие: *carīna* 'киль, днище'; *prōra* 'нос'; *puppis* 'корма'; *trānstrum* 'бимс'; *latus* 'борт'; *forus, stega* 'палуба'; *agēa* 'куршея'; к обозначениям различных надстроек — *diaeta* 'каюта'; *prōpugnāculum* 'боевая башня'; к обозначениям украшений — *chēniscus* 'гусёк'; *aplustre* 'украшение кормы'; *īnsigne* 'опознавательный знак'; *parasētum* 'изображение существа, по которому назван корабль'; *tūtēla* 'изображение божества'; к обозначениям элементов рангоута — *mālus* 'мачта'; *modius* 'степс'; *parastatae* 'клинья'; *antenna* 'рей'; *bracchium* 'часть рея с одной стороны мачты'; *cornua* 'ноки'; к обозначениям элементов такелажа — *arma* 'снасти'; *armamenta* 'оснастка'; *cerūchus* 'топенант'; *pēs* 'шкот'; *prōpēs* 'галс'; *rudēns* 'конец'; *uersōria* 'брас'; *opisphora* 'контрбрасы'; *anquīna* 'фал'; к обозначениям парусного вооружения — *uēlum, carbasus* 'парус'; *acatiūm* 'грот'; *epidromus* 'бизань'; *artemōn, mendicum* 'фок'; *sipparum* 'топсель'; *dolō* 'блинд'; *ālae* (поэт.) = *pedēs* 'шкотовые углы паруса'; к обозначениям весельного движителя — *rēmī* 'весла'; *columbāria* 'весельные порты'; *portisculus* 'молоток для подачи сигнала гребцам'; к обозначениям рулевого устройства — *gubernāclum* 'рулевое весло'; *palmula* 'лопасть весла'; *clāuius* 'румпель'; к обозначениям дельных вещей — *carchēsia* 'блоки на топе мачты'; *pōns* 'трап'; к обозначениям якоря и швартового устройства — *ancora* 'якорь'; *ancorāle* 'якорный канат'; *fūnis* 'канат'; *prosnēsium* 'швартов'; к обозначениям специфических устройств на военных кораблях — *rōstrum* 'ростр, таран'.

Анализ указанных лексем позволил, в частности, установить, что слово *praetōriolum* в тексте Вульгаты (Vulg. Ezech. 27, 6), которое многие исследователи считали термином, обозначающим определенный тип надстройки на корабле (например, флагманскую каюту), в действительности не принадлежит к специальной мореходной лексике, а выбрано блж. Иеронимом как обозначение небольшой крытой деревянной постройки для перевода выражения οἶκος

ἄλωδες из текста Септуагинты.

Опираясь на данные подводной археологии, удалось найти подтверждение того, что слово *parastatae* могло обозначать клинья, с помощью которых мачта удерживалась в вертикальном положении. Кроме того, была предложена интерпретация прототермина *opisphora* ('контрбрасы').

Второй раздел первой главы посвящен прототерминологии, связанной с постройкой, починкой и оснасткой судна. Здесь рассматриваются наименования 1) материалов, необходимых для постройки и ремонта корабля; 2) манипуляций, связанных с постройкой, починкой и оснасткой; 3) людей, участвующих в названных операциях. К специальным обозначениям материалов относятся, среди прочих, следующие слова: *materia, materiēs* 'строевой лес'; *stappa* 'пакля'; к обозначениям манипуляций — *fundāre* 'набирать обшивку по лекалам'; *statuere, cōstituere* 'ставить [шпангоуты]'; *ung(u)ere* 'смолить'; *armāre* 'снаряжать'; к обозначениям людей — *materiārius* 'поставщик леса'; *architectus* 'проектировщик; руководитель постройки судна'; *stuppātor* 'конопатчик'.

Третий раздел первой главы посвящен наименованиям различных типов кораблей. В частности, в работе показано, что распространенное наименование *nāuis longa* в разные эпохи могло относиться к разным типам военных судов. Рассматривается значение и употребление таких наименований военных кораблей, как *triēris* 'триера, трехрядное судно'; *nāuis praetōria* 'флагманский корабль'; *liburna, lembus* 'легкое военное судно без тарана'; *pristis* 'легкое военное судно с тараном'; *lūsōria* 'сторожевой корабль' (гипероним); *agrāriēnsis nāuis; iūdicāria nāuis* (гипонимы к *lūsōria*); *speculātōrium, catascopus, catascopium, catascopiscus, scapha explorātōria* 'разведывательное судно'; *praedātōria nāuis* 'каперское судно'. Затем рассматриваются наименования грузовых судов, таких, как *onerāria* 'грузовое судно'; *barca* 'баркас'; *(nāuis) corbīta* 'тяжелое торговое судно'; *cercūrus, cercūrus* 'крупное беспалубное торговое судно'. Уделяется внимание наименованиям малых судов, которые могли использоваться в различных целях: для перевозки небольших грузов, транспортировки войск или каперства. В этом подразделе

анализируются следующие наименования: *mūsculus, mydion, hēmiola* 'полуторка'; *myoparō* 'миопарон'; *parō* 'парон'; *celōx* 'келокс, легкое быстроходное судно'; *hor(e)ia* 'рыбацкая лодка'; *uegeia; caurulus, cumba* (типони́мы, гипероним — *lembus*); *caudica* 'лодка-однодеревка'; *phasēlus* 'легкое парусно-гребное судно'. Затем представлены наименования типов судов по ключевым особенностям конструкции: *dicrotum, nāuis dicrota* 'судно с двумя рядами весел'; *aphractus, nāuis aperta* 'беспалубное судно'; *nāuis cōnstrāta* 'палубное судно'.

ВТОРАЯ ГЛАВА (Латинская мореходная лексика: навигация)

посвящена специальной лексике, относящейся к навигации. Здесь исследуются различные слова и выражения, связанные с кораблевождением и стоянками кораблей, а также лексемы, используемые для обозначения людей на борту.

В первом разделе второй главы рассматриваются элементы мореходной лексики, связанные с кораблевождением. Среди них можно выделить слова, связанные с движением и маневрированием судна — такие, как *legere* 'двигаться [вдоль побережья]'; *relegere* 'двигаться в обратном направлении [вдоль побережья]'; *nāuigāre* 'совершать морской переход'; *cursus* 'маршрут'; *tenēre* 'достичь земли / какого-либо пункта'; *cursum tenēre* 'взять курс'; *superāre* 'огибать'; *pedem facere* 'лабиринговать'; *flectere uiam* 'сворачивать с пути'; *circuitū* 'в обход'; выражения, относящиеся к такелажным работам — такие, как *colligere arma* 'брать рифы'; *comprōnere armāmenta* 'приводить в порядок снасти'; *complicāre armāmenta* 'убирать снасти'. Для обозначения манипуляций с парусами используются сочетания разных глаголов с существительным *uēlum* — такие, как *tollere uēla* 'поднимать паруса'; *contrahere uēla* 'уменьшать парусность'. Приводятся также все известные выражения, связанные с ориентировкой, действиями кормчего, гребцов, со швартовкой и отчаливанием корабля, погрузкой и выгрузкой, военными маневрами. В большинстве случаев можно только предположительно судить о том, являются ли те или иные лексемы «настоящими» прототерминами, а не элементами поэтического лексикона. Вместе с тем можно считать, что с большей вероятностью являются прототерминами те слова и выражения, которые

встречаются в надписях или употребляются авторами, хорошо знакомыми с морским делом (Плавт) или специально оговаривавшими профессиональное происхождение данных выражений. В конце раздела приведен перечень такого рода глаголов и глагольных выражений: среди них *inhibēre* 'табанить' (Cic. Att. XIII, 21, 3); *mittere rudentem* 'отдать конец' (Plaut. rud. 1015); *exonerāre nāuem* 'разгрузить судно' (b. Afr. VIII 1; Vittr. X 2, 10; Plin. n. h. IX 47; Plaut. St. 531); *parāre nāuem* 'оснастить судно' (Plaut. merc. 86; mil. 921; Caes. b. G. III 14, 2); *ōrnāre nāuem* 'снарядить судно' (CIL I² 25; Plaut. Poen. 214); *perforāre nāuem* 'протаранить' (b. Alex. XXV 5; XLVI 5; Veg. mil. IV 46); *saburrāre* 'нагружать балластом' (Plaut. cist. 121; Plin. n. h. XVIII 361); *capere (uersōriam)* 'выбирать (брас)' (Plaut. merc. 875; trin. 1026).

Второй раздел второй главы посвящен стоянкам кораблей. В данном разделе анализируется значение и употребление таких слов и выражений, как *castra nāuālia/nautica* 'стоянка военного флота'; *subdūcere* 'вытаскивать судно на сушу'; *dēdūcere, in mare mittere* 'спускать судно на воду'; *stāre* 'стоять на якоре'; *statiō = salum* 'рейд, место для якорной стоянки'; *portus* 'порт'; *acrōtēria* 'волнорезы'; *nāuālia* 'доки'; *textrīnum* 'верфь'.

Третий раздел второй главы посвящен обозначениям членов экипажа. Рассматриваются наименования такие командных должностей, как *praefectus classis*; *subpraefectus classis*; *nauarchus*; *triērarchus*; *archigubernus*; наименования членов экипажа: *gubernātor*; *prōrēta*; *pitulus septe(m)semodialis*; *nauphylax*; *celeusta*; *socii nāuālēs*; *epibata*; *classiārius*; *magister*; *diaetārius*; обозначение владельца судна *nauclērus*; обозначения пассажиров *uector* и (более позднее) *epibata*. Рассматриваются также наименования элементов одежды и снаряжения римских моряков: *causea (ferrūginea)* 'шляпа «моряцкого» цвета с полями'; *palliolum (ferrūgineum)* 'короткий плащ «моряцкого» цвета'; *cōpula* 'абордажный крюк'.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА (Функциональные классы латинской мореходной лексики) рассматривает единицы латинского мореходного словаря с точки зрения их функционирования в различных регистрах латинского языка классического периода.

Первый раздел третьей главы посвящен самой проблеме разграничения функциональных классов латинской мореходной лексики. Обращается внимание на трудности, связанные с определением функционально-стилистической принадлежности той или иной единицы латинской лексики. Небольшой объем доступных нам текстов и в еще большей степени их жанровая ограниченность (в частности, полное отсутствие образцов устной разговорной речи) вынуждают нас прибегать к косвенным методам решения данного комплекса задач, и прежде всего — к сопоставлению употребления лексики в дошедших до нас текстах разных жанров; приходится учитывать и то обстоятельство, что стилистические интенции авторов этих текстов также часто могут быть определены только косвенным путем. Вместе с тем исходя из соображений типологического характера вполне можно констатировать наличие в латинском языке как минимум двух классов мореходной лексики, а именно — базовой (общеупотребительной) и профессиональной. Наряду с ними представляется разумным выделить и третий функциональный класс мореходной лексики — литературный: например, слова и выражения, встречающиеся в эпической поэзии, но не входящие ни в базовый, ни в профессиональный мореходный лексикон.

Второй раздел третьей главы посвящен базовой мореходной лексике. Надежным критерием принадлежности к этому классу может служить употребление лексемы в одном и том же значении в текстах разных жанров (поэзия, проза, эпиграфика), в том числе и вне специфически мореходных контекстов. К базовой части латинского морского лексикона, очевидно, можно отнести такие лексемы, как *nāuis* 'корабль', *ratis* 'плот', *scapha* 'лодка', *linter* 'челн', *nāuis longa* 'военный корабль', *mālus* 'мачта', *uēlum* 'парус', *puppis* 'корма', *prōra* 'нос [корабля]', *carīna* 'киль', *antenna* 'рей', *rōstrum* 'таран', *rēm̄us* 'весло', *gubernāc(u)lum* 'кормило', *anc(h)ora* 'якорь', *nauta* 'моряк', *rēm̄ex* 'требец', *gubernātor* 'кормчий', *portus* 'тавань', *fūnis* 'трос', *gubernāre* 'править'.

Третий раздел третьей главы посвящен профессиональной мореходной

лексики; единицы этой части словаря называются в работе прототерминами, сам же раздел словаря — мореходной прототерминологией. Само по себе употребление того или иного слова или выражения в мореходном контексте не может служить надежным признаком принадлежности к языку профессиональных мореходов. Важное значение здесь имеет, в числе прочего, жанровая принадлежность текста, наличие или отсутствие интереса автора текста непосредственно к мореходной лексике, степень осведомленности автора о морском деле. В первую очередь к единицам профессиональной мореходной лексики можно отнести слова, встречающиеся в нелитературных источниках: в текстах законов и эпиграфических памятниках; число таких слов, впрочем, едва превышает несколько десятков. Из литературных источников особую ценность имеют те, авторы которых прямо говорят о профессионально-мореходном происхождении того или иного выражения; следует, впрочем, иметь в виду, что позднеантичные ученые-антиквары (Авл Геллий, Сервий, Исидор), впервые проявившие специальный интерес к данной области словаря, руководствовались в основном литературными источниками, а не непосредственным общением с носителями профессионального языка. Наконец, следует иметь в виду, что некоторые авторы (например, Плавт) проявляют большую, чем другие, осведомленность в морском деле, вследствие чего их тексты имеют для нас наибольшую ценность.

С точки зрения происхождения мореходную прототерминологию можно разделить на образованную путем внутреннего и внешнего заимствования. Внутреннее заимствование может происходить семантическим способом, т. е. путем переноса или сужения значения (*pēs* 'нога' -> *pēs* 'шкот'; *pōns* 'мост' -> *pōns* 'трап'), или специализации значения слова или выражения (*faber nāuālis* -> *faber* 'корабел, корабельных дел мастер'); морфологическим, или словообразовательным способом (*caudex* 'ствол' -> *caudica* 'лодка-однодеревка' -> *caudicārius* 'лодочник'); синтаксическим способом (*nāuis praedātōria* 'каперское судно').

Мореходная лексика, заимствованная извне, происходит по большей части из греческого языка: сюда относятся и многие названия типов кораблей (*celōx* < κέλῃς; *phasēlus* < φάσηλος), и обозначения элементов устройства корабля (*anc(h)ora* < ἄγκυρα; *bracchium* < βραχίον), и обозначения людей, связанных с мореходством (*nauta* < ναύτης, *prōrēta* < πρῶράτης; *pīrāta* < πειράτης), названия маневров (*gubernāre* < κυβερνάω, *campāsāre* < κάμπτω) и другие слова (*nauticus* < ναυτικός). Ряд мореходных прототерминов имеет, как считается, этрусское происхождение: *trānsenna*, *liburna*, *antenna*; есть и слова предположительно оскского (*supparum*), и предположительно иллирийского (*uegeia*, *gandeia*, *hor(e)ia*, *liburna*) происхождения.

В качестве одного из распространенных способов создания специальной мореходной лексики можно выделить калькирование: *nāuis operāria* 'грузовой корабль' < φορτῖς ναῦς; *nāuis longa* 'длинный (т. е. военный) корабль' < μακρὰ ναῦς; *mūsculus* 'мускул', т. е. 'мышонок' (тип корабля) < μύδιον.

Большая часть заимствованных слов хорошо адаптировались к фонетической и грамматической системе латинского языка; многие из них (такие, как *nauta*, *celōx*, *gubernāre*), вероятно, вообще не воспринимались носителями латинского языка как чужеродные. В некоторых случаях заимствованное слово могло уже на почве латинского языка служить продуктивным словообразовательным материалом: таков, например, глагол *gubernāre*, давший уже вполне латинские по духу производные *gubernātor*, *gubernātrīx*, *gubernāc(u)lum*, *gubernum*, *guberniō*, *gubernātiō*, *gubernābilis* и т. д.

Четвертый раздел третьей главы посвящен литературной мореходной лексике. В этом разделе предпринята попытка доказать тот факт, что значительная часть мореходной лексики, встречающейся в латинских литературных текстах, не может быть отнесена к профессиональным словам и выражениям и представляет собой исключительно литературный «псевдомореходный» язык. Эта часть лексикона является результатом сознательного творчества римских поэтов и писателей, стремившихся выработать язык, подходящий для художественного описания реалий, связанных с морем и

мореплаванием. Основными источниками как отдельных слов и выражений, так и целых топосов здесь послужили классические тексты греческих (в первую очередь, Гомера и Аполлония Родосского), а позднее римских (Невия, Энния, Катулла, Вергилия) авторов, а также собственное творческое переосмысление их наследия; следует предположить, наряду с этим, и непосредственное влияние профессионального языка мореходов, однако мера его влияния, например, на классический эпос далеко не ясна. Одним из аргументов в пользу существования особого литературного морского языка могут служить многочисленные факты непосредственного заимствования отдельных «мореходных» слов и выражений из греческих литературных источников: ср. *utrumque Iuppiter simul secundus incidisset in pedem* у Катулла (Catull. 4, 20–21) и *ἐς πόδας ἀμφότερους* у Аполлония Родосского (Ap. Rh. II 932); *incuruans ... remos* и *ἐπεγνάμπτοντο δὲ κῶπαι* у тех же авторов (Catull. 64, 183; Ap. Rh. II 591); *nāuālia* 'материалы для постройки корабля' у Вергилия как калька гомеровского *νήϊον* с тем же значением, и т. д. Другим аргументом может быть наличие больших синонимических рядов для обозначения одних и тех же мореходных понятий (например, *appellere, applicāre, arripere, attingere, contingere, tangere* в значении 'причаливать'): подобная синонимия несвойственна терминологическим (как и прототерминологическим) выражениям, однако в высшей степени характерна для поэтического языка.

В работе отмечается, что для профессиональных и литературных мореходных заимствований из греческого языка в целом характерна различная стратегия адаптации заимствованных лексем: если носители профессионального языка обычно подвергают греческое слово лишь минимальной адаптации, то писатели и поэты предпочитают образовывать кальки и искать соответствующие слова и выражения в родном языке. Первое обстоятельство можно отчасти объяснить преобладанием в римском флоте нелатиноязычных элементов, второе — сознательной стилистической установкой авторов.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА (Латинская мореходная лексика в литературных текстах) посвящена функционированию мореходных слов и выражений в разных

жанрах римской литературы.

Первый раздел четвертой главы рассматривает случаи употребления мореходной лексики в поэзии с целью сообщения повествованию необходимой точности. Во-первых, целью использования такого рода слов и выражений может быть придание рассказу необходимой детализации. Так, в эпизоде превращения кораблей в нимф из девятой книги «Энеиды» Вергилий упоминает тараны (*rōstra*) кораблей, которые двумя стихами позже превращаются в лица (*faciēs*) нимф: *delphinumque modo demersis aequora rostris / ima petunt. hinc uirgineae (mirabile monstrum) / reddunt se totidem facies pontoque feruntur* (Verg. Aen. IX 119–122). В работе приводится ещё несколько примеров из «Энеиды», где использование мореходной лексики служит, как представляется автору диссертационного исследования, для придания повествованию наглядности и достоверности, а также для избежания повторов и монотонности.

Второй раздел четвертой главы посвящен мореходной лексике как материалу для различного рода метафорических выражений. Так, слово *naufragus* может употребляться как в прямом смысле ‘потерпевший кораблекрушение’, так и в переносном — например, когда речь идет о человеке, потерпевшем душевный или финансовый крах (Catull. 68, 1–4; Cic. Sull. 41). «Морскими» тропами часто пользовался Гораций, один из самых известных примеров — наставление Лицинию о том, мудрец должен вести себя в жизни подобно опытному корабельщику: *не слишком стремиться в открытое море и в то же время, избегая бури, не слишком прижиматься к обрывистому берегу* (Hor. carm. II 10, 1–4). Со времени, по крайней мере, Феогнида (Theognis 667–682 Young) в античной литературе обычна метафора государства как корабля и его правителя как кормчего. Этим образом, в частности, охотно пользовался во многих своих речах Цицерон (например, Cic. Sest. 20). У христианских авторов появляется во многом сходный образ Церкви–корабля⁶ (ср. Aug. serm. 75 и др.).

Третий раздел четвертой главы говорит об использовании писателями

⁶ Подробнее об этом см. Rahner H. Symbole der Kirche. Die Ekklesiologie der Väter. Salzburg, 1964.

мореходной лексики с целью создания комического эффекта. Таких случаев особенно много в комедиях Плавта. Так, в его комедии «Вакхиды» автор реферируемой работы видит любопытный каламбур, основанный на наличии у определенного выражения как прямого, так и специального «морского» значения. Никобул, слыша рассказ о появлении подозрительного (предположительно, пиратского) корабля, угрожающего его имуществу, произносит реплику: *perii hercle, lembus ille mihi laedit latus* (Plaut. *Vacch.* 281). *Горе мне, этот корабль ранит/таранит мой бок/борт.* Здесь обыгрывается два значения слова *latus* – 'бок' и 'борт'. Многие герои Плавта совершенно неожиданно начинают употреблять мореходную лексику во вполне «сухопутных» контекстах, как, например, Евтих в комедии «Купец» (Plaut. *merc.* 875–883) или Харин в «Вакхидах» (Plaut. *Vacch.* 797). Можно предположить, что употребление персонажами мореходной лексики служит у Плавта, в числе прочего, средством речевой характеристики персонажей: например (учитывая невысокий общественный статус моряков в Древнем Риме), свидетельствовать о наличии сомнительных эпизодов в их биографии.

Четвертый раздел четвертой главы рассматривает устойчивые выражения (поговорки и пословицы), содержащие мореходную лексику. Например, у Плавта мы встречаем выражения «*meo remigio rem gero*» (Plaut. *mil.* 747), что приблизительно можно перевести как «я гребу, как хочу», т. е. я действую так, как считаю нужным; «*remigio ueloque ... festina*» (Plaut. *asin.* 157), досл. «поспешн на веслах и парусах», ср. «лететь на всех парусах». Тит Ливий влагает в уста Луция Эмилия поговорку «*gubernare e terra*», т. е. «управлять кораблем с суши» в смысле «не участвуя в деле, давать праздные советы» (Liu. XLIV 22, 13–14). Выражение «*ego dum cum uentis litigo*» у Петрония (Petron. 83, 7) можно перевести как «я спорю с ветрами» или «я иду против течения». У Макробия мы встречаем выражение: «*capita aut nauim*» (Macr. *sat.* I 7) «орел или решка»: нетрудно догадаться, что эта фраза связана с весьма распространенным оформлением монет, когда на аверсе был представлен чей-то портрет (*caput*), а на реверсе изображался нос корабля

(progra). У Апулея встречается фраза «qui celocem regere nequit, onerariam petit» (Apul. ap. Fulg. serm. ant. 44), т. е. человек, не получивший начальных навыков в каком-то ремесле, стремится участвовать в важном и ответственном деле, прямо связанным с этим ремеслом, подвергая других и себя опасности. Уже в новое время приобрело статус пословицы (в романтизированном истолковании) изречение Помпея «nauigare necesse est, uiuere non necesse» «плыть необходимо, жить — не необходимо», которое дошло до нас в виде греческого πλεῖν ἀνάγκη ζῆν οὐκ ἀνάγκη (Plut. Pomp. 50; reg. et imp. apophthegm. 88, 11).

В пятом разделе четвертой главы высказывается и обосновывается гипотеза о том, что в определенных случаях особый стилистический эффект может создаваться и намеренным отказом от использования профессиональной мореходной лексики (даже в тех эпизодах, где она была бы содержательно уместна) в пользу более нейтральных и общеупотребительных выражений. Именно такова, как показано в работе, стилистическая позиция Цезаря в морских эпизодах «Записок о Галльской войне». Анализ употребления Цезарем мореходной лексики показал, что этот автор сознательно выбирает из всего арсенала специальной лексики только те слова и выражения, которые были известны широкому кругу читателей, и только при крайней необходимости прибегает к узкоспециализированным выражениям. Например, Цезарь ни разу не использует специальное слово *rudēns* 'конец'; вместо него употребляется более общее *fūnis* 'канат', которое само по себе не является элементом специальной лексики; при этом слово *fūnis* не встречается у Цезаря в узкоспециальном значении 'швартов' (причальный канат). Не встречается у Цезаря и термин *rēs* 'шкот', обозначающий снасть бегучего такелажа, которая предназначена для растягивания нижних углов прямого паруса. В качестве обозначения судна для перевозки лошадей Цезарь не использует термин *hippāgō/hippagōgus*, предпочитая ему описательное выражение «naues, ... has equitibus tribuit» (Caes. b. G. IV 22, 4); naues, ... quae equites sustulerant (Caes. b. G. IV 28, 1). Описывая действия флота и манипуляции с кораблями, Цезарь предпочитает использовать глаголы и

выражения, регулярно использовавшиеся для описания действий сухопутных войск, а не специальную лексику, связанную с флотом: например, для обозначения разгона корабля Цезарь использует исключительно глагол *incitāre* 'разгонять', который применяет также и по отношению к ускорению пехотинцев и всадников, в то время как собственно термином, обозначающим разгон судна, является, по-видимому, глагол *concitāre*, засвидетельствованный в этом значении у других авторов.

Автор диссертации полагает, что разумным объяснением указанных фактов является отнюдь не неосведомленность Цезаря, как полагали некоторые исследователи⁷, а его сознательная установка на унификацию лексики и достижение максимальной стилистической однородности текста.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** кратко формулируются результаты каждой из глав и общие результаты диссертационного исследования. Они заключаются в следующем:

1. В латинском языке функционировал значительный пласт лексики, относящейся к мореходному делу. Внутри этого пласта лексики выявляется наличие больших синонимических рядов для обозначения некоторых понятий и действий, связанных с мореходством, а также существование во многих случаях двойных наименований для одного и того же предмета или понятия, например, *birēmis* — *liburna*, *trirēmis* — *triēris*, *quadrirēmis* — *quadriēris* (или даже *tetrēris*), *quīnquerēmis* — *pentēris*, причем выбор в пользу того или иного слова коррелирует с типом источника и его жанром. Это наблюдение не позволяет считать выявленный объем мореходной лексики однородной массой.

2. Проведенное исследование позволяет предположить существование в латинском языке трех функциональных классов мореходных слов и выражений: класс общеупотребительных слов, класс прототерминов (*termini technici*) и класс сугубо литературной морской лексики, которая названа в реферируемой работе «псевдомореходной».

⁷ de Saint-Denis E. Le rôle de la mer dans la poésie latine. Paris, 1935. С. 129–130.

3. Слой «общей» мореходной лексики включает в себя общеизвестные слова и выражения, знакомые всем носителям языка. Критерием для выделения этого класса мореходной лексики служит распространенность определенной лексемы (в одном и том же значении) в дошедших до нас текстах самых разных жанров: надписях, документах, поэтических и прозаических литературных произведениях. Исследование показало, что ядро этой группы слов составляют слова общеиндоевропейского происхождения (*nāuis, mālus, rēmus, portus*), а также ранние и хорошо освоенные заимствования (*nauta, anc(h)ora, scapha, gubernāre*).

4. Не подлежит сомнению существование в латинском языке профессионального языка (идиолекта) мореходов. Эта часть мореходной лексики названа в работе прототерминологией. Значительная часть прототерминов могла быть неизвестна рядовым носителям языка. Помимо специфического значения и контекста, критерием для отнесения лексемы к этому классу лексики служит сам тип текста, в котором встречается данное слово. В общем случае с большей вероятностью можно встретить профессиональное выражение в надписи или юридическом тексте соответствующего содержания. Приходится принимать во внимание и конкретные намерения автора (в некоторых, пусть и редких, случаях он специально подчеркивает свой интерес к профессиональному языку мореходов), а также его предполагаемую осведомленность в морском деле: например, проведенный в работе анализ подтвердил, что особенно ценным источником морских терминов и выражений могут служить для нас комедии Плавта. Также очевидно, что первый класс лексем, т. е. «общий» мореходный лексикон, целиком или в значительной части являлся подмножеством второго класса, т. е. «профессионального» мореходного лексикона, однако, как представляется, нельзя исключить того, что определенные слова и выражения могли принципиально избегаться профессионалами. Латинскую мореходную терминологию составляют: 1) ядро прототерминологии, совпадающее с базовой мореходной лексикой (см. выше), 2) специальные слова и выражения, образованные путем заимствования элементов общеупотребительной лексики (т.

н. внутреннего заимствования), и 3) кальки и заимствованные слова из древнегреческого, греческого, иллирийского, оскского и, возможно, этрусского языков.

5. Наряду с указанными двумя классами слов и выражений можно предположить существование и третьего, а именно «псевдомореходного», т. е. чисто литературного мореходного лексикона. Опираясь на дошедшие до нас тексты, можно утверждать, что такой слой лексики действительно может быть выделен, что он не совпадает ни с «общим», ни с «профессиональным» морским лексиконом и что значительная часть известной нам латинской мореходной лексики относится именно к этому последнему, «литературному» морскому (или «псевдоморскому») языку. Мощным стимулом к развитию средств поэтического языка для описания мореходства и морских сражений служил и сам материал, непосредственно связанный с мореходством. «Одиссея» Ливия Андроника и «Bellum Punicum» Невия известны нам лишь во фрагментах, однако то, что этим авторам пришлось изобретать способы поэтического описания некоторых маневров, вряд ли может подвергаться сомнению. Более того, возможно, за ними уже стояла какая-то традиция, на которую они могли опираться. Развитие морской тематики в литературе предполагало и использование опыта греческих поэтов (Гомера, Аполлония Родосского, трагиков). В этом контексте Вергилий предстает как создатель нового разнообразного инструментария для конструирования морских эпизодов. Этот инструментарий содержит множество элементов, заимствованных из древнегреческого языка.

6. Итак, заимствования из древнегреческого наблюдаются как в прототерминологии, так и в «псевдомореходном» литературном языке. Представляется, что эти заимствования проникли в латинский язык посредством двух различных потоков. Первый поток — прототермины; источником его служил профессиональный язык специалистов морского дела, приглашенных для постройки флота. Второй поток — литературные заимствования в контексте сознательного творчества римских писателей и поэтов, во многом

воспринимавших традиции описания моря и мореплавания из греческой литературы. В упомянутых выше двух потоках мореходных заимствований (а именно, «профессиональном» и «литературном») в латинский язык из греческого можно отметить принципиально разную технику заимствования. А именно, профессиональные заимствования (*liburna, triēris, nauphylax* etc.) подвергались в латинском языке лишь минимальной (если вообще какой-либо) адаптации. Возможное объяснение такой плохой «усвояемости» греческих профессиональных заимствований состоит в том, что, как отмечают историки, большинство членов экипажа как военных, так и гражданских судов составляли те, для кого латинский язык не был родным. Не приходится сомневаться, что для значительной их части родным языком был греческий. Литературные заимствования почти всегда происходили в форме нахождения латинского соответствия греческому слову или выражению, либо — в крайнем случае — калькирования (*birēmis, trirēmis* etc.). Кроме того, есть определенные признаки того, что заимствуется и переносится на римский фон не только лексика, но и образ мыслей и суждений о море и мореходстве.

7. Расширение как профессионального, так и литературного морского лексикона происходило в рамках решения определенных задач: создание флота и создание языка, подходящего для описания достижений этого флота. Таким образом, оно никак не коррелирует с «любовью» или «нелюбовью» римлян по отношению к морю.

8. Исследование показало, что функции мореходной лексики в литературном произведении могут быть весьма разнообразны: она может, в частности, употребляться для придания повествованию точности и достоверности, быть средством создания комического эффекта, служить материалом для тропов, пословиц и поговорок. Наконец, в некоторых случаях особый стилистический эффект достигается отказом от использования специальной мореходной терминологии, как показано на примере «Записок о Галльской войне» Цезаря.

9. Дальнейшей перспективой направления исследований могли бы

стать греческие папирусы, относящиеся к мореходству, в которых наблюдаются обратные заимствования из латинского языка: τὸ οὐῆλον (Р. Оху. 17 2128, 8); ἡ λουσωρία (Р. Оху. 7 1048, 2; Р. Оху. 7 1048, 7); λιβύρνιος/λιβύρνος/λιβέρνος (Р. Оху. 16 2042 4, 11); κλάσση (IG II² 8358a). Такое исследование позволило бы дополнить ряд прототерминов, использовавшихся профессионалами в реальной жизни. Качественный рост знания в области античной мореходной лексики возможен при исследовании древнегреческой мореходной лексики и сопоставлении ее с латинской, а также при накоплении критической массы археологических отчетов о находках малых судов, структурировании этих данных по географическому принципу и сопоставлении с имеющимися отрывочными сведениями о названиях и конструктивных особенностях малых многофункциональных судов.

Публикации по теме диссертации:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

1. Павлова О. С. De Isidori Etymologiarum libri XIX capituli 2 pericope 9 emendanda // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. XIX. С. 737–739.
2. Павлова О. С. К вопросу об интерпретации выражения pitulus septesemiodialis (CIL X 3480 = Dess. 2880 и CIL X 3481 = Dess. 2881) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № XX (2). С. 830–833.
3. Павлова О. С. Особенности употребления терминологии морского дела в Bellum Gallicum Цезаря // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № XX (1). С. 7–26. (Соавтор: Е. В. Антонец).

Другие публикации:

4. Павлова О. С. Velorum pandimus alas: к интерпретации Verg. Aen. III 520 // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013» [Электронный ресурс].
5. Павлова О. С. К вопросу об одной конъектуре (Gell. X 25, 5) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2014» [Электронный ресурс].
6. Павлова О. С. К Isid. etym. XIX 2, 9. Текстологическая заметка // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2015» [Электронный ресурс].
7. Павлова О. С. Praetoriola в Vulg. Ezech. 27:6 и его соответствия в церковнославянском и русском переводе // Сборник тезисов III Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире». М., 2016. С. 285–288.